

МЕЖДУ ПАРТИЕЙ И ВЕРУЮЩИМИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В КАЗАНИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.1.17-20

Аннотация. В статье автор обращается к периоду начала 1960-е гг., когда отечественные социальные исследователи включались в трудный и долгий процесс возрождения прикладных социологических исследований, прерванный в годы сталинизма. В эпоху «оттепели» и «постоттепели» социология, как и другие общественные науки, находилась под жестким идеологическим контролем. Так как контроль над проведением прикладных исследований осуществляли партийные комитеты различных уровней, о свободном развитии научной дискуссии, конкуренции научных идей и школ не могло быть и речи. Работы западных социологов были малодоступны и должны были подвергаться критике с позиций теории исторического материализма и научного коммунизма. Несмотря на перечисленные ограничения, цензуру и идеологический контроль, в 1960-е гг. начинается медленный процесс освоения отечественными исследователями методов прикладных эмпирических исследований. Не остались в стороне от этого процесса и казанские социологи и философы. В данной статье рассмотрен пример эмпирического социологического исследования, проведенного в 1967 г. и посвященного религиозности жителей Казани.

Ключевые слова: советская социология, эмпирические социологические исследования, социология религии.

История отечественной социологии извилиста и сложна. Возникнув в конце XIX – начале XX вв., к началу 1920-х гг. российская социология почти сравнялась по своему уровню с передовыми европейскими странами [1, с. 665]. Несмотря на высылку в 1922–1923 гг. ряда выдающихся социологов и философов, развитие социальных наук, прежде всего социальной инженерии и прикладной социологии, продолжалось и в 1920-е гг. Н. Бухарин, бывший в этот период главным идеологом коммунистической партии, рассматривал исторический материализм как социологическую теорию марксизма [2]. Ситуация радикально меняется в середине 1930-х гг.: социология начинает рассматриваться как буржуазная лженаука, враждебная марксизму [1, с. 689]. Прекратились социологические опросы, статистическая информация стала искажаться и засекречиваться.

Возрождение или, как предлагают называть этот процесс ряд авторов, реабилитация социологии началось в 1950-е гг., что было связано с постепенной интеграцией советских ученых в мировую науку: в 1956 г. делегация СССР приняла участие в III Конгрессе Международной ассоциации социологов в Амстердаме, а в конце 1957 г. была создана Советская социологическая ассоциация [3, с. 20–21]. Стали проводиться и массовые социологи-

ческие опросы, в ходе которых исследовались проблемы появления новых форм труда и быта, автоматизации производства, культурно-технического уровня рабочего класса и пр. По словам Г. Батыгина, «социология удачно вписывалась в «научную» версию коммунистического строительства, ее задача заключалась в информационном обеспечении формирования «нового человека» и перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические» [4, с. 36].

Развитию отечественной социологии посвящен ряд работ, опубликованных в 1990-е – 2010-е гг. Биографические очерки, рассказывающие о становлении социологической науки и профессионального сообщества социологов в 1960-е годы, содержит сборник «Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах» [5]. В этом же сборнике, а также в работе «Социология и власть: документы и материалы. 1958–1968» [6], опубликованы документы, освещающие процесс институционализации социологии в СССР и ее сложные отношения с партийной олигархией. Целостный обзор возрождения советской социологии в контексте «оттепели и «постоттепели» представлен в книге Б. Фирсова «История советской социологии: 1950-е – 1980-е гг.» [3], а также в главах «Фун-

даментальной социологии» В.И. Добренкова и А.И. Кравченко [1]. В четырехтомной работе Б. Грушина «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения» на основе обзора свыше 250 эмпирических социологических исследований, проведенных в 1960-е – 2000-е гг., предпринята попытка определить некоторые значимые характеристики российского менталитета [7; 8; 9]. Хотя многие из этих работ обращаются к эмпирическим исследованиям, проведенным в провинции (например, «Таганрогский проект»), в них никак не упоминаются первые опросы общественного мнения, проведенные во второй половине 1960-х гг. в Казани. Настоящая статья имеет целью отчасти заполнить этот пробел.

В начале 1967 г. социологическая лаборатория Казанского государственного университета провела эмпирическое исследование с целью выяснить уровня религиозности жителей Казани.

На заседании бюро Казанского горкома КПСС 15 мая 1967 г. были доложены результаты опроса:

Верующими назвали себя в среднем 21 % опрошенных (от 26,7 % в Приволжском р-не до 16 % в Советском р-не). Соответственно, атеистами – 79 % (от 73,3 % в Приволжском районе до 84 % в Советском районе).

Среди верующих в Казани преобладали, по данным опроса, православные. Их доля составила 59,5 %. Доля мусульман составила 39 %, и 1,5 % пришлось на верующих других конфессий.

Результаты опроса находились в полном соответствии с известной установкой, что религия в СССР – пережиток прошлого, и среди верующих преобладают люди пожилые и малообразованные.

По возрасту среди верующих преобладали люди пожилого возраста: 72 % верующих – от 50 лет и старше. К молодежи (18 – 30 лет) принадлежали лишь 3 % верующих. По образовательному статусу среди верующих 35 % были неграмотными, 3,2 % – малограмотными 41,6 % имели начальное образование, 19,2 % – среднее и высшее образование. Большинство верующих – пенсионеры (42 %), рабочие (34 %), домохозяйки – 17 %. Служащих 4 %. 58,8 % верующих – русские, 40 % – татары. Абсолютное большинство среди опрошенных верующих были женщины (81 %) [10].

Руководителем социологической лаборатории, подписавшим процитированную выше справку в Казанский горком КПСС о проведенном конкретном социологическом исследовании, был Равиль Губайдуллович Балтанов (1927–1984). В период проведения исследования он был кандидатом философских наук (1963), тема диссертации «Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама» [11], доцентом кафедры философии (1964–1974). В 1977 г. он защитил диссертацию

на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Основные проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР» [12].

Приведенные выше результаты социологического опроса нельзя понять вне контекста того времени, когда он был проведен – первых лет правления Л. Брежнева, иногда характеризующихся как «постоттепель», когда завершилось время импульсивных («волюнтаристских») кампаний, инициировавшихся Н. Хрущевым и стали проступать первые черты периода стагнации.

Хотя давление на верующих в это время по сравнению с предвоенными годами или началом 1960-х гг. существенно ослабло, за открытое проявление религиозности могли исключить из ВЛКСМ или КПСС. Поэтому открыто заявлять о своей религиозности чаще могли те, кто не рисковал своим статусом – пенсионеры, рабочие и домохозяйки. Хранителем религиозных традиций и обычаев, неконтролируемым со стороны государства оставалось старшее поколение [13, с. 330].

Вторым обстоятельством, заставляющим с недоверием относиться к результатам приведенного выше опроса являются ограничения, накладываемые на конкретные социологические исследования в СССР партийным руководством. Для него функцией этих исследований было почти исключительно поддержание status quo, и социологическая информация рассматривалась как еще один способ подтверждения правильности курса КПСС. Если в средние века наука рассматривалась как служанка богословия, то в советский период, эпоху науки – по крайней мере, общественные науки – рассматривались руководством КПСС как служанки идеологии. В то же время среди социологов были, конечно, личности и целые группы, которые искали новые и честные способы научного понимания советского общества [3, с. 97]. Но чтобы проводить социологические исследования, ученые нуждались в содействии партийных органов, а если результаты исследований отклонялись или шли вразрез с линией партии, их могли прекратить поддерживать или прямо запретить продолжать. Но, судя по отсутствию негативной реакции, Казанский горком КПСС в 1967 г. был удовлетворен проведенным анализом религиозности жителей Казани. Между тем исследования религиозности, проведенные в те же годы в других регионах СССР («пензенский проект» 1967–1969 гг.), показали, что даже с атеизмом (которого, по данным опросов, придерживалось большинство респондентов) дело обстоит не так просто. Из 67 % опрошенных, заявивших о себе как о неверующих, лишь 11 % идентифицировали себя как убежденные атеисты; остальные 58 % были определены социологами как «индифферентные», т.е. безразличные по отношению к религии [13, с. 341].

Таким образом, возобновление эмпирических (прикладных) социологических исследований, развернувшееся в СССР в 1960-е гг., происходило в сложной ситуации. Партийное руководство было полно решимости не дать кому бы то ни было поставить под вопрос догмы советского марксизма, но в то же время было заинтересовано в подкреплении «генеральной линии» партии данными

социологических опросов. Знание об обществе, полученное под бдительным контролем партийно-государственных структур, неизбежно получалось усеченным и ограниченным, о чем свидетельствуют и результаты первых социологических опросов, проведенных казанскими социологами в 1960-е гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1. Теория и методология. – М.: Инфра-М, 2003. – 908 с.
2. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. – Изд. 5-е. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 390 с.
3. Фирсов Б. История советской социологии: 1950-е – 1980-е годы. Очерки. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 476 с.
4. Батыгин Г. Преемственность российской социологической традиции / Социология в России. Под ред. В.А. Ядова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – С. 23-44.
5. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. – 683 с.
6. Социология и власть: документы и материалы. 1958 – 1968. Под ред. Л.Н. Москвичева. – М.: Academia, 1997. – 168 с.
7. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-ая. Эпоха Хрущева. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 624 с.
8. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-ая. Эпоха Брежнева (часть 1-ая). – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 448 с.
9. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-ая. Эпоха Брежнева (часть 2-ая). – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
10. Государственный архив Республики Татарстан, Ф. П26, оп.37, ед.хр.1089, л. 261–266.
11. Балтанов Р. Г. Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама / Автореферат дис.... к-та философ. наук. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1963. – 20 с.
12. Балтанов Р. Г. Основные проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР / Автореферат дис.... д-ра философ. наук. (09.00.06). – Казань: Казан. гос. ун-т, 1974. – 30 с.
13. Смолин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.

Информация об авторе

Сергеева Зульфия Харисовна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, кафедра государственного, муниципального управления, истории и социологии.

E-mail: zhsergeeva@rambler.ru

Sergeeva Z. Kh.

BETWEEN THE PARTY AND THE BELIEVERS: THE FIRST STEPS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY IN KAZAN

Abstract. In the article, the author refers to the period of the early 1960s, when Russian social researchers were involved in the difficult and long process of the revival of applied sociological research, interrupted during the years of Stalinism. In the era of the «thaw» and «post-thaw» sociology, like other social sciences, was under strict ideological control. Since control over the conduct of applied research was carried out by party committees of various levels, there could be no question of free development of

scientific discussion, competition of scientific ideas and schools. The works of Western sociologists were inaccessible and had to be criticized from the standpoint of the theory of historical materialism and scientific communism. Despite the listed restrictions, censorship and ideological control, in the 1960s. the slow process of mastering the methods of applied empirical research by domestic researchers begins. Kazan sociologists and philosophers did not remain aloof from this process. This article examines an example of an empirical sociological study conducted in 1967 and devoted to the religiosity of the inhabitants of Kazan.

Keywords: Soviet sociology, empirical sociological research, sociology of religion.

Literature

1. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental'naya sociologiya: v 15 t. T.1. Teoriya i metodologiya. – M.: Infra-M, 2003. – 908 s.
2. Buharin N.I. Teoriya istoricheskogo materializma. Populyarnyj uchebnik marksistskoj sociologii. – Izd. 5-e. – M.-L.: Gosizdat, 1928. – 390 s.
3. Firsov B. Istoriya sovetsoj sociologii: 1950-e – 1980-e gody. Oчерki. – SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. – 476 s.
4. Batygin G. Preemstvennost' rossijskoj sociologicheskoi tradicii / Sociologiya v Rossii. Pod red. V.A. Yadova. – M.: Izd-vo Instituta sociologii RAN, 1998. – S. 23-44.
5. Rossijskaya sociologiya shestidesyatyh godov v vospominaniyah i dokumentah / Otv. red. i avt. predisl. G. S. Batygin. – SPb.: Russkij hristianskij gumanitarnyj institut, 1999. – 683 s.
6. Sociologiya i vlast': dokumenty i materialy. 1958 – 1968. Pod red. L.N. Moskvicheva. – M.: Academia, 1997. – 168 s.
7. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Oчерki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina v 4-h knigah. Zhizn' 1-aya. Epoha Khrushcheva. – M.: Progress-Traditsiya, 2001. – 624 s.
8. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Oчерki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina v 4-h knigah. Zhizn' 2-aya. Epoha Brezhneva (chast' 1-aya). – M.: Progress-Traditsiya, 2003. – 448 s.
9. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Oчерki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina v 4-h knigah. Zhizn' 2-aya. Epoha Brezhneva (chast' 2-aya). – M.: Progress-Traditsiya, 2006. – 464 s.
10. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan, F. P26, op.37, ed.hr.1089, L. 261-266.
11. Baltanov R. G. Utverzhenie kommunisticheskoi npravstvennosti i bor'ba s perezhitkami morali islama / Avtoreferat dis.... k-ta filosof. nauk. – Kazan': Kazan. gos. un-t, 1963. – 20 s.
12. Baltanov R. G. Osnovnye problemy konkretno-sociologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR / Avtoreferat dis.... d-ra filosof. nauk. (09.00.06). – Kazan': Kazan. gos. un-t, 1974. – 30 s.
13. Smolkin V. Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetsoj ateizma. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. – 552 s.

Author

Sergeeva Zulphiya Kharisovna, Cand. Sc. (Soc.), Kazan National Research Technological University, Russia, Kazan, Department of Government, Public Administration, History and Sociology

E-mail: zhsergeeva@rambler.ru